

А. МОРОЗОВ

Артист Московского драматического
театра имени Пушкина

Корень зла

Кто не знает, какую огромную роль в жизни советского общества играет критика и самокритика — источник творческого его развития, стимул непрерывного движения вперед? Лишь в атмосфере критики и самокритики могут взойти в нашем искусстве ростки нового, выявиться таланты, окрепнуть мастерство. Там, где критика в заgone, — неизбежны застой, топтанье на месте, прозябание вместо творчества, ремесло вместо искусства. Печальный пример тому дают дела и дни Московского драматического театра имени Пушкина.

Коллектив в театре сложился хороший, здоровый, с большими творческими возможностями. Труппа пополнена многими талантливыми актерами с периферии и из других московских театров. Директор театра — Н. Чаплыгин — один из ведущих его актеров, крепкий администратор, хорошо знающий производство и отдающий много сил театру. Главный режиссер — Б. Бабочкин — художник, дорогой советскому зрителю, как создатель центрального образа в фильме «Чапаев» и ряда других работ. В театре, расположенном в центре Москвы, — вместительный зрительный зал, удобная сцена, в нем уютно, просторно. Все условия для творческой работы — налицо. И тем не менее в коллективе театра царит настроение уныния и растерянности, вызванное сознанием, что театр имени Пушкина, возникший на базе реорганизованного Камерного театра, пока еще не оправдал возложенных на него надежд.

Отсутствие настоящей критики и самокритики и, как неизбежный результат этого, притупление чувства ответственности за судьбу общего дела и у руководства, и у рядовых членов коллектива, — вот источник всех бед нашего театра, всех его нынешних неудач. Театр лихорадит, в его работе нет продуманной линии, нет целеустремленности и ясной перспективы.

Начнем с репертуара.

Сегодня проблема репертуара в театре Пушкина — самая острая и насущная. За три года театр не создал вокруг себя авторского актива, не открыл ни одного нового имени, не способствовал рождению ни одной значительной пьесы. Театр принимает к постановке незрелые, рыхлые произведения, надеясь «подштопать» их на ходу — за счет различных доделок и поправок, подказанных режиссеру и исполнителям их прежним театральным опытом.

У руководства театра нет ясности в вопросе о том, какие именно произведения драматургии нужны для роста коллектива, и театр то произвольно принимает к постановке пьесы, то так же произвольно отвергает их.

Вскоре после своего прихода в театр имени Пушкина в качестве главного режиссера Б. Бабочкин собрался ставить пьесу о Георгии Димитрове — «Лейпциг, 1933». Этот проект почему-то не был реализован. Затем была принята к постановке пьеса Ксении Львовой «Вихрь», но вскоре отпала и она. Перед летним отпуском в театре было вывешено распределение ролей в спектакле «Достигаев и другие», появилось и соответствующее сообщение в прессе, но осенью к мысли о «Достигаеве» не вернулись. В течение месяца шли репетиции пьесы Н. Канина «Вторая весна», потом прекратились и они, так как по ходу дела выяснилось, что пьеса нуждается в коренной переработке. Если прибавить к этому, что до прихода в театр Б. Бабочкина в работе были пьесы М. Блеймана «Лицом к лицу», П. Лина «Победители пустыни», А. Липовского «Грозное оружие» (о Маяковском), то количество нереализованных намерений театра окажется очень внушительным. А ведь все это — зря потраченное время, силы, нервы, чьи-то бессонные ночи, чьи-то мучительные попытки вдохнуть жизнь в неполноценные пьесы.